

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Тактика полевой артиллеріи.—Пенджабъ и сѣверо-западная граница Индіи

ТАКТИКА ПОЛЕВОЙ АРТИЛЛЕРІИ.

Studien über Feld-Artillerie von Hermann Graf Thurheim.

(Окончаніе) (*).

Послѣ изслѣдованія позицій и расположенія на нихъ артиллеріи, графъ Тюргеймъ переходитъ къ изслѣдованію боя и предлагаетъ вести атакующему первый періодъ боя слѣдующимъ образомъ: какъ только авангардъ вступилъ въ дѣло, руководящій боемъ, въ сопровожденіи старшаго изъ начальниковъ артиллеріи, выѣзжаетъ впередъ, чтобы лично убѣдиться въ положеніи дѣлъ. Причемъ, подъ словомъ руководящій боемъ авторъ подразумѣваетъ не одного только главнокомандующаго арміей, но вообще высшаго изъ воинскихъ начальниковъ, находящихся ближе другихъ къ непріятелю. Составивъ соображеніе о ходѣ дѣла и о положеніи непріятельскихъ войскъ, руководящій боемъ сообщаетъ ихъ состоящему при немъ начальнику артиллеріи. Даже въ томъ случаѣ, когда положеніе непріятеля не совсѣмъ еще выяснилось, что обыкновенно и бываетъ въ началѣ авангарднаго боя, очертаніе мѣстности, занимаемой непріятелемъ, до нѣкоторой степени можетъ служить указаніемъ, въ какомъ именно направленіи слѣдуетъ вести главную атаку или, по крайней мѣрѣ, гдѣ, т. е. на какихъ пунктахъ должно быть произведено дальнѣйшее разслѣдованіе.

(*). См. «Военный Сборникъ» 1879 г. № 1-й.

Согласно этимъ указаніямъ, противъ того или другаго участка непріятельской позиціи слѣдуетъ назначить артилерійскія отдѣленія пѣхотныхъ дивизій, а позднѣе—и корпусную артилерію, если такая имѣется въ распоряженіи.

Получивъ приказаніе, командиръ отдѣленія, въ сопровожденіи батарейныхъ командировъ, выѣзжаетъ впередъ въ указанномъ направленіи и выбираетъ подходящія позиціи. Батареи на позиціи ведутся старшими офицерами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ для указанія дорогъ придется разставлять въ извѣстныхъ пунктахъ трубачей и фейерверкеровъ. При выборѣ позицій слѣдуетъ имѣть въ виду, чтобы обогрѣвливаніе указанной цѣли производилось въ возможно косвенномъ направленіи, съ разныхъ сторонъ. Позицію слѣдуетъ выбирать на сколько возможно ближе къ предѣлу дѣйствительнаго ружейнаго огня (1,500 метровъ); но условія, представляемая мѣстностью, иногда вынуждаютъ занимать позиціи на разстояніи 2,000 метровъ и даже болѣе отъ непріятельскаго расположенія.

Находившуюся въ огнѣ авангардную артилерію при первой возможности слѣдуетъ присоединять къ отдѣленію, въ составъ котораго она входитъ, или же къ ближайшему отъ нея отдѣленію; подобное присоединеніе слѣдуетъ производить не иначе, какъ подъ прикрытіемъ огня главныхъ силъ.

Точно также слѣдуетъ поступать и въ томъ случаѣ, когда обнаружится, что выборъ главнаго пункта непріятельской позиціи сдѣланъ ошибочно, а слѣдовательно, когда нашимъ войскамъ придется переимѣнить позицію.

Подобное передвиженіе слѣдуетъ производить не иначе, какъ уступами. Хотя въ принципѣ должно быть принято, что въ періодъ введенія въ бой необходимо употреблять всю имѣющуюся въ распоряженіи артилерію, но, во избѣжаніе бесполезныхъ передвиженій, артилерію слѣдуетъ вводить въ бой постепенно, по мѣрѣ обнаруживанія дѣйствительнаго положенія непріятеля. При этомъ дивизионная артилерія должна дѣйствовать не иначе, какъ съ пѣхотой своей дивизіи (исключеніе: отраженіе неожиданной атаки). Инструкціи для дѣйствій командиры отдѣленій получаютъ отъ своихъ начальниковъ дивизій и только въ исключительныхъ обстоятельствахъ — отъ корпуснаго командира, черезъ посредство артилерійскаго бригаднаго командира. Стрѣльбу поверхъ пѣхоты и артилеріи слѣдуетъ принять въ принципѣ; особенно при производствѣ огня съ дальнихъ разстояній, словомъ, при крутой траекторіи.

Дѣйствія артилерійскихъ массъ, при подобномъ расположеніи, по

мнѣнію автора, болѣе дѣйствительно, чѣмъ при такъ называемыхъ артилерійскихъ сплошныхъ линіяхъ. Кто бывалъ на практической стрѣльбѣ трехъ или четырехъ батарей, говоритъ г. Тюргеймъ, тому хорошо извѣстно, какъ трудно батареямъ, стоящимъ подъ вѣтромъ, не только наблюдать за паденіемъ снарядовъ, но даже и видѣть самую цѣль, вслѣдствіе стелющагося пороховаго дыма отъ стрѣльбы сосѣднихъ батарей; а потому вообще число попадающихъ снарядовъ, при стрѣльбѣ длинной артилерійской линіи, бываетъ очень гадательно.

Съ другой стороны, также каждому извѣстно, что противу вѣрно направленного огня цѣлаго отдѣленія, состоящаго изъ трехъ батарей, не въ состояніи долго стоять никакая цѣль. По мнѣнію автора, при дѣйствительно хорошей стрѣльбѣ будетъ вполне достаточно одного отдѣленія, для дѣйствія противъ цѣли, имѣющей, сравнительно, даже большое протяженіе. Происхожденіе массоваго дѣйствія артилеріи, т. е. стрѣльбы нѣсколькихъ отдѣленій, противъ одной цѣли, по мнѣнію автора, слѣдуетъ приписать не тому, чтобы дѣйствія одного отдѣленія были недостаточны для этого, а что, вообще, при подобной стрѣльбѣ имѣютъ въ виду массу промаховъ; такъ что болѣе числомъ выпущенныхъ снарядовъ стараются вознаградить ограниченное число попадающихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не указать на то обстоятельство, что подготовка со стороны артилеріи пѣхотной атаки, въ послѣднюю кампанію, вообще была неудовлетворительна, и если принять во вниманіе, что въ будущія войны непріятель противопоставитъ большее число орудій и артилерія будетъ лучшаго качества, чѣмъ была у французовъ—то потребность массоваго дѣйствія артилеріи не можетъ быть удовлетворена простымъ сосредоточеніемъ орудій на одномъ пунктѣ, оставляя другіе не занятыми. Выше указанную цѣль скорѣе можно будетъ достигнуть увеличеніемъ дѣйствительности огня каждой отдѣльной батареи и предоставленіемъ артилеріи свободы передвиженій и выбора позицій на всемъ полѣ битвы.

Извѣстно, что въ первый періодъ боя артилерійская канонада играетъ главную роль; подъ ея покровительствомъ пѣхота готовится для дальнѣйшаго веденія боя. Извѣстно также, что во второй періодъ боя, въ періодъ сильнаго развитія артилерійскаго и ружейнаго огня, на артилерію возлагается выполненіе второй его задачи, т. е. «разгрома» (Erschütterung) непріятельскаго расположенія. Последнее необходимо въ видахъ облегченія для пѣхоты третьяго періода боя, періода вторженія на непріятельскую позицію. Разрѣшеніе этой послѣдней задачи можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда въ первый періодъ боя артилерія имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ про-

тивникомъ. Это же, въ свою очередь, обусловливается: преобладаніемъ въ числѣ орудій лучшей техники ихъ или лучшимъ пользованіемъ находящагося подъ рукой матеріала, болѣе правильнымъ обученіемъ искусству стрѣльбы и, наконецъ, лучшей тактикой.

Числительное превосходство — самое простое и вѣрное средство; но его не всегда можно достигнуть. Хотя азбука искусства веденія боя и заключается въ томъ, чтобы быть всегда сильнѣе противника, но абсолютный перевѣсъ въ числѣ орудій не можетъ служить ручательствомъ тому, чтобы этотъ перевѣсъ непременно осуществился на всякомъ данномъ пунктѣ и въ каждомъ случаѣ. Если, напримѣръ, допустить, что непріятель противопоставитъ нашимъ семи армейскимъ корпусамъ только пять корпусовъ, то при всемъ томъ на нѣкоторыхъ пунктахъ два корпуса легко могутъ оказаться другъ противъ друга, такъ какъ превосходство въ числѣ не можетъ быть одновременно по всему полю битвы. Нѣкоторыя части придется употребить для другихъ цѣлей, какъ, напримѣръ, для обходовъ и пр. Перевѣсъ надъ противникомъ въ одноименныхъ единицахъ зависитъ также отъ ихъ организаціи. Г. Тюргеймъ приводитъ слѣдующія данныя относительно организаціи корпусовъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ.

Армейскій корпусъ состоитъ:

	Орудій.
Австро-Венгрія	отъ 2-хъ — 3-хъ пѣх. див., 80
Италія	изъ 3-хъ » пѣхотн. див., 112
Германія	» 2-хъ » пѣхотн. див., 90
Франція	» 2-хъ » пѣхотн. див., 112 (¹).

Во Франціи нѣкоторыя дивизіи состоятъ изъ двухъ, а другія изъ трехъ бригадъ.

Процентное отношеніе артилеріи на каждую тысячу человекъ пѣхоты или кавалеріи слѣдующее:

	Орудій.
Въ Австро-Венгріи	4 ² / ₅
» Италіи	3 ¹ / ₅
» Германіи	3 ¹ / ₂
» Франціи	4 ¹ / ₂
» Великобританіи	3 ³ / ₄

Г. Тюргеймъ находитъ, что хотя техника нѣмецкихъ орудій нѣсколько лучше, чѣмъ въ прочихъ арміяхъ, но она одна не можетъ служить вѣрнымъ обезпеченіемъ успѣха въ будущую войну. Для по-

(¹) Во временномъ артилерійскомъ уставѣ для французской арміи показано, что въ составъ армейскаго корпуса входитъ только 90 орудій (Прим. составителя статьи).

сдѣлано, по словамъ автора, необходима только лучшая подготовка стрѣльбы и наиболѣе цѣлесообразная тактика артилеріи.

Безъ сомнѣнія, полезно когда артилеріи удастся вполнѣ занять непріятельскую артилерію и отвлечь ея огонь отъ нашей пѣхоты; но на самомъ дѣлѣ этого еще далеко недостаточно, такъ какъ дальнѣйшему веденію пѣхотной атаки все-таки могутъ препятствовать непріятельскія пѣхота и кавалерія. Кромѣ того, извѣстно, что атака пѣхоты на хорошо укрѣпленную непріятельскую позицію, безъ предварительной подготовки со стороны артилеріи, при настоящемъ ходѣ боя почти невозможна. Отвлечение огня непріятельской артилеріи отъ пѣхоты атакующаго можетъ имѣть значеніе только до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя не вступитъ въ сферу непріятельскаго ружейнаго огня. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго можно рассчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда непріятельская артилерія будетъ до такой степени парализована, что большую часть нашей артилеріи можно будетъ освободить отъ артилерійскаго боя и направить ея огонь противъ непріятельской позиціи. Пѣхота же, въ свою очередь, при рациональныхъ дѣйствіяхъ, прежде чѣмъ идти въ атаку, должна выждать результатовъ огня нашей артилеріи. Но какъ ни справедливо это требованіе, тѣмъ не менѣе, въ самомъ бою его трудно выполнить, такъ какъ шансы на успѣхъ въ различныхъ пунктахъ боевой линіи бываютъ различны: передніе ряды сражающихся и самое поле битвы распадается на массу отдѣловъ. Все это, взятое вмѣстѣ, вызываетъ необходимую помощь со стороны артилеріи, которую она можетъ оказать только въ томъ случаѣ, когда ей удастся окончить быстро свою первую задачу. Этого, въ свою очередь, можно достигнуть искуснымъ примѣненіемъ артилеріи на полѣ битвы; впрочемъ, по ходу дѣла, для выполненія первой задачи предоставляется не мало времени. Обстрѣливаніе непріятельской артилеріи начинается съ первымъ выстрѣломъ и оканчивается не ранѣе полнаго перестроенія въ боевой порядокъ главныхъ силъ, или даже съ приближеніемъ пѣхоты къ наибольшему предѣлу второй зоны (въ 1,400 метровъ отъ непріятеля) (1). Безъ сомнѣнія, нельзя точно опредѣлить

(1) Г. Тюргеймъ, при дѣленіи поля битвы на поясы или зоны, принимаетъ подраздѣленіе, сдѣланное генераломъ Вехмаромъ въ сочиненіи: «Das moderne Gefecht und die Ausbildung der Truppen für dasselbe» («Новѣйшій бой и обученіе войскъ веденію боя»). Генераль Вехмаръ дѣлитъ поле битвы на три пояса (Zone), (при этомъ принимается открытая, удобопроходимая мѣстность): 1-я зона—сфера дѣйствій непріятельской артилеріи—начинается съ 2,400 метровъ; 2-я зона—случайныя попаданія отъ дѣйствій непріятельскаго пѣхотнаго огня и весьма дѣйствительный огонь артилеріи — 1,440—640 метровъ; 3-я зона — прицѣльный выстрѣлъ изъ пѣхотнаго ружья—начиная съ 640 метровъ и ниже.

это время, такъ какъ обстоятельства боя значительно измѣняются отъ условій, представляемыхъ мѣстностью и отъ непріятельскихъ дѣйствій. Для перестроенія корпуса въ боевой порядокъ во всякомъ случаѣ требуется не менѣе 3-хъ и даже 4-хъ часовъ. Это время совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, которое употреблялось на перестроеніе корпуса въ послѣднюю франко-германскую войну. Такъ, напр., сраженіе подъ Вертомъ артилеріей 2-го баварскаго корпуса было начато въ 8^{1/4} часовъ, 5-го армейскаго корпуса въ 8^{3/4} и 11-го армейскаго корпуса въ 8 часовъ, и только въ часъ началось общее наступленіе противъ непріятельской позиціи. Авангардъ 7-го корпуса въ сраженіи при Коломбе-Нульи началъ бой въ 3^{1/2} часа пополудни, въ 4 часа началъ бой авангардъ 1-го корпуса; общее же наступленіе началось въ 7 часовъ.

Отличительная черта 2-го періода боя или, какъ его называютъ, «періода развитія битвы»,—это начало ружейнаго огнестрѣльнаго дѣйствія и наступленіе пѣхоты перебѣжками. Атакующій, постепенно усиливая передніе ряды задними, проходитъ сферу дѣйствій ружейнаго непріятельскаго огня. Съ началомъ этого періода пѣхота выступаетъ на первый планъ. Не подвергаясь большимъ опасностямъ, она не въ состояніи прекратить разъ начатую атаку, а потому съ началомъ атаки дѣйствія артилеріи собственно для пѣхоты почти безразличны. Для достиженія лучшихъ результатовъ отъ ружейнаго огня, который пѣхота можетъ производить только фронтально, ей необходимо занять все пространство по фронту боевой линіи.

На сколько въ интересахъ атакующаго увеличить дѣйствіе своего огня, на столько же въ интересѣ противника ослабить огонь атаки. Для достиженія этого обороняющійся старается увеличить силу огня своей пѣхоты, пользуясь условіями, представляемыми мѣстностью. Съ этою цѣлью онъ занимаетъ крѣпкіе пункты позиціи: лѣса, строенія, деревни и искусственно возведенныя закрытія, которыя, представляя наибольшія препятствія для атаки и увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ огнестрѣльное дѣйствіе обороны, ослабляютъ ружейный огонь атаки, такъ какъ стрѣльба изъ ружей противъ такого рода закрытій почти не имѣетъ никакого значенія. Существенную помощь въ этомъ случаѣ можетъ оказать только артилерія; противъ ея мѣткой и частой стрѣльбы не устоитъ долгое время никакое закрытіе. Итакъ, хотя во второй періодъ боя пѣхота и выступаетъ на первый планъ дѣйствій, но для доведенія своей задачи до конца ей необходима сильная поддержка со стороны артилеріи. Въ этотъ періодъ даже болѣе, чѣмъ въ другіе, вообще огнестрѣльное дѣйствіе имѣетъ первенствующее значеніе, а до тѣхъ поръ, пока признается важность огня, дѣятельность артилеріи должна оставаться въ

полной силѣ. Но, вмѣстѣ со стрѣльбой, во второй періодъ боя происходитъ и движеніе; движеніе же вообще составляетъ слабую сторону артилеріи; во время передвиженій артилерія дѣлается совершенно безпомощной (безоружной); кромѣ того, по окончаніи движеній требуется новая пристрѣлка, а это сопряжено съ потерей времени. Передвиженіе вліяетъ и на пѣхотную стрѣльбу, но не въ такой степени, какъ на артилерійскую. Пѣхотинецъ можетъ стрѣлять и на ходу; во всякомъ случаѣ, масса выпущенныхъ пуль всегда покроетъ извѣстное пространство, на которомъ окажется небольшое число попавшихъ. Во время же минутныхъ остановокъ пѣхотинецъ всегда успѣетъ сдѣлать нѣсколько прицѣльныхъ выстрѣловъ, причемъ процентъ попаданія увеличивается вмѣстѣ съ приближеніемъ къ цѣли.

Въ первый моментъ боя у артилеріи всегда есть время пристрѣляться, во второй же моментъ это сдѣлать довольно трудно, такъ какъ наступающая пѣхота, растянувшись по всему полю битвы, очень скоро закроетъ артилерію. Слѣдовательно, въ этотъ моментъ боя вѣроятность попаданія приходится увеличивать массою выпущенныхъ снарядовъ.

Въ первый моментъ боя артилерія подѣзжаетъ къ непріятелю на такое разстояніе, съ котораго она дѣйствительнымъ огнемъ обстрѣливаетъ непріятельскую артилерію, не подвергаясь, съ своей стороны, огню непріятельской пѣхоты. Хотя закрытія, представляемая мѣстностью, могутъ оказать большое вліяніе на видоизмѣненіе разстояній, но во всякомъ случаѣ можно принять, что артилерія въ первый періодъ боя должна находиться не ближе 1,400 метровъ отъ непріятельской боевой линіи. Въ этотъ періодъ она ведетъ сильный бой съ непріятельской артилеріей; допустивъ, что въ теченіе трехъ—четыре-хъ часовъ ей удастся заставить большую часть непріятельской артилеріи уйти съ занимаемой позиціи (нельзя предположить, чтобы она могла совершенно уничтожить непріятельскія батареи, такъ какъ батареи противника, сильно пострадавшія отъ огня, во избѣжаніе окончательнаго уничтоженія, будутъ своевременно отведены съ поля битвы), все-таки во второй періодъ битвы у обороняющагося останется еще часть артилеріи, которая въ состояніи будетъ безпокоить артилерію атаки, а потому нѣкоторой части артилеріи атакующаго придется еще и въ этотъ періодъ боя продолжать вести борьбу съ непріятельской артилеріей. Словомъ, съ наступленіемъ втораго періода, въ большинствѣ случаевъ, будетъ невозможно употребить *всю* артилерію на поддержаніе пѣхотной атаки. Между тѣмъ пѣхота, наступающая со всѣхъ сторонъ, можетъ оказаться слишкомъ впереди своей артилеріи, такъ что, въ концѣ

концовъ, всякая связь этой послѣдней съ пѣхотой можетъ быть порвана. Это именно обстоятельство и было поводомъ къ правилу, по которому артилерія ни въ какомъ случаѣ не должна оставаться позади третьей боевой линіи. Но если артилерія будетъ расположена въ первый періодъ боя въ длинныхъ сплошныхъ линіяхъ, какъ это было въ большинствѣ сраженій послѣдней кампаніи, то подобную линію пѣхота будетъ переходить одновременно, такъ что (въ виду связаннаго правила) ей придется разомъ двинуться впередъ. Если же наступленіе начать производить уступами, то можетъ случиться, что второй, третій и слѣдующіе уступы придутъ на новую позицію слишкомъ поздно или самое наступленіе придется сдѣлать слишкомъ торопливо. Если же, наоборотъ, во избѣжаніе этого, начать наступленіе раньше, то легко можетъ случиться, что артилерія не успѣетъ окончательно выполнить свою первую задачу: ослабить непріятельскую артилерію. Кромѣ того, подобная длинная артилерійская линія, занимая небольшое пространство относительно всего поля битвы, можетъ дѣйствовать только сообразно условіямъ той части мѣстности, на которой она расположена, такъ что происходящее вдали отъ этого пункта трудно видѣть; между тѣмъ можетъ случиться, что именно на этихъ дальнихъ отъ артилеріи пунктахъ и окажется дѣйствительная надобность въ дальнѣйшемъ ея содѣйствіи.

Дѣло складывается совершенно иначе, когда артилерія разсыяна по всему полю битвы и расположена сообразно цѣлямъ даннаго момента, словомъ, когда она дѣйствуетъ въ связи съ тѣми частями, въ составъ которыхъ входитъ. Расположеніе ея въ этомъ случаѣ будетъ согласно съ условіями, представляемыми различными пунктами мѣстности, ею занимаемыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовать различнымъ пунктамъ непріятельской позиціи; кромѣ того, при этомъ она всегда будетъ въ состояніи оказать настоящее содѣйствіе сражающимся вмѣстѣ съ нею частямъ пѣхоты. Далѣе, при подобномъ расположеніи вся артилерія не будетъ находиться на одинаковомъ разстояніи отъ непріятельской позиціи, а наоборотъ, въ одномъ мѣстѣ она будетъ дальше отъ нея, а въ другомъ ей можетъ представиться случай подойти ближе. Первая поддержка пѣхоты со стороны артилеріи въ первый періодъ боя можетъ быть дана батареями отдѣленій, находящихся ближе къ непріятелю; наконецъ, самое наступленіе уступами прочихъ отдѣленій, далѣе стоящихъ отъ непріятеля, при подобномъ способѣ расположенія также значительно облегчается.

Всѣ, писавшіе о тактикѣ артилеріи, въ особенности Гофбауеръ, стараются доказать, что вызовъ батарей изъ боевой линіи на другіе пункты поля битвы не представляетъ большаго затрудненія. Г. Тюр-

гейми по этому поводу замѣчаетъ, что подобнаго рода оговорка доказываетъ не столько удобство выводить батареи изъ линіи, сколько часто встрѣчающуюся необходимость въ этомъ. Но если разъ признано, что подобныя передвиженія дѣйствительно необходимы во время боя, то этимъ самымъ доказывается, что расположеніе артилеріи въ длинныхъ линіяхъ подвержено критикѣ и что распределеніе артилеріи по полю битвы могло бы привести къ лучшимъ результатамъ.

Словомъ, по мнѣнію г. Тюргейма, во второй періодъ боя артилерію лучше располагать отдѣленіями по всему полю битвы, чѣмъ держать сосредоточенно на нѣкоторыхъ пунктахъ въ длинныхъ линіяхъ.

Артилерія съ той частью пѣхоты, въ составъ которой она входитъ, тотчасъ по полученіи приказанія о наступленіи и какъ скоро она избавится отъ дѣйствія по непріятельской артилеріи, направляетъ свой огонь на важные пункты позиціи противника. Начальникъ артилеріи долженъ быть въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ подлежащимъ войсковымъ начальникомъ (начальникомъ дивизіи или бригаднымъ командиромъ) съ тѣмъ, чтобы своевременно узнать намѣренія послѣдняго. Постоянныя сношенія артилерійскаго отдѣленія съ начальникомъ дивизіи или пѣхотнымъ бригаднымъ командиромъ не представляютъ тѣхъ затрудненій, которыя неизбѣжны при передачѣ приказаній корпуснаго командира начальникамъ артилеріи длинной артилерійской линіи. Какъ скоро началось наступленіе пѣхоты, немедленно высылаютъ одну батарею на заранѣе осматрѣнную передовую позицію, съ которой она въ состояніи бы была дѣйствовать противъ опредѣленнаго пункта атаки; по крайней мѣрѣ, одна изъ батарей отдѣленія безостановочно продолжаетъ борьбу съ находящейся противъ нея непріятельской артилеріей. Какъ скоро выдвинутая впередъ батарея заняла позицію и пристрѣлялась, за ней слѣдуютъ другія батареи, не занятыя борьбой съ непріятельской артилеріей; тѣ же, которыя дѣйствуютъ противъ этой послѣдней, переѣзжаютъ на новую позицію не прежде, чѣмъ одной изъ переднихъ батарей удастся принять на себя бой съ непріятельской артилеріей. Наступленіе батарей должно быть дѣлано на такія близкія разстоянія отъ непріятели, какъ только можетъ это позволить непріятельскій огонь и мѣстность, такъ какъ съ началомъ приступа нельзя уже болѣе рассчитывать на новую перемѣну позиціи. Въ большинствѣ случаевъ наступленіе придется начинать съ дивизионной артилеріей, и затѣмъ уже начальнику корпусной артилеріи предоставляется, смотря по ходу боя, направить ввѣренную ему артилерію по его личному усмотрѣнію. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что корпусной артилеріи не представится въ этомъ и надобности, такъ какъ съ приближеніемъ къ не-

пріятельской позиціи пространство постепенно суживается; между тѣмъ какъ пѣхота, разъ начавъ наступленіе, производитъ его безостановочно и быстро, такъ что корпусная артилерія, слѣдующая позади пѣхоты, вовсе не найдетъ для своего расположенія необходимаго пространства; въ томъ же случаѣ, когда она будетъ слѣдовать впереди пѣхоты, весьма вѣроятно, что прежде чѣмъ она успѣетъ сняться съ передковъ, уже будетъ замаскирована пѣхотными войсками. А потому въ большинствѣ случаевъ болѣе цѣлесообразно, если корпусная артилерія будетъ поддерживать наступленіе пѣхоты съ первой занятой ею позиціи; это тѣмъ болѣе можетъ имѣть мѣсто, что корпусная артилерія занимаетъ обыкновенно позицію позже дивизионной артилеріи; при первоначальномъ занятіи, она имѣетъ возможность выбрать позицію нѣсколько ближе къ непріятелю. Впрочемъ, можетъ случиться и совершенно обратное, а именно: по приказанію корпуснаго командира, наступленіе пѣхоты, при самомъ началѣ, придется поддерживать корпусной артилеріи; это особенно можетъ имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, когда корпусная артилерія ранѣ другихъ освободится отъ огня непріятельской артилеріи.

Во второй періодъ боя никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида ограниченности времени для дѣйствій артилеріи, а потому въ этотъ моментъ масса выпущенныхъ снарядовъ должна замѣнить собою правильность стрѣльбы. Принимая это обстоятельство въ соображеніе, артилерія съ первыхъ позицій, если только это дозволитъ ходъ артилерійскаго боя, можетъ дѣйствовать противъ непріятельской пѣхоты и особенно важныхъ пунктовъ непріятельскаго расположенія. Относительно дѣйствій артилеріи оба первые момента боя гораздо тѣснѣе сливаются между собою, чѣмъ при дѣйствіяхъ пѣхоты; даже теоретически нельзя требовать слишкомъ строгаго раздѣленія, говоря о дѣйствіяхъ артилеріи, между двумя періодами боя. Слѣдствіемъ такого вывода оказывается то, что начальники артилеріи, начиная съ командира отдѣленія, должны быть хорошо знакомы съ тактикой другихъ родовъ оружія. Словомъ, по мнѣнію автора, только полное пониманіе со стороны начальниковъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и артилерійскихъ, совокупныхъ дѣйствій этихъ родовъ оружія можетъ служить обезпеченіемъ успѣха.

Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію дѣйствій артилеріи въ слѣдующіе періоды боя, мы считаемъ здѣсь умѣстнымъ сдѣлать небольшую выписку изъ первой главы сочиненія г. Тюргейма.

«Артилерія, говоритъ авторъ, при дѣйствіяхъ противъ непріятеля, вообще не должна переходить ближайшаго предѣла второй зоны, т. е. 650 метровъ (800 шаговъ) отъ непріятеля. Только особаго рода об-

стоятельства и условия, представляемые мѣстностью, могутъ вынудить выѣздъ батарей и на болѣе близкія разстоянія.» Различіе между Гофбауеромъ и авторомъ, замѣчаетъ послѣдній, «заключается только въ томъ, что въ періодъ развитія артилерійскаго боя г. Гофбауеръ предлагаетъ для артилеріи занимать двѣ позиціи, на разстояніяхъ 1,700 и 700 метровъ отъ непріятели, мы же, для боевой дѣятельности артилеріи, указываемъ на все пространство первой и второй зоны, т. е. отъ 2,400 до 650 метровъ отъ непріятели, предоставляя ей располагаться на этомъ пространствѣ, гдѣ она найдетъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ. При этомъ, артилерія можетъ дѣйствовать съ одной или съ нѣсколькихъ позицій». По мнѣнію г. Тюргейма, заранее указывать опредѣленные разстоянія для дѣйствій артилеріи такъ же трудно, какъ и для пѣхоты. Работа на одной части поля битвы можетъ быть легче, чѣмъ на другой; боевая дѣятельность одной части войскъ, смотря по начальнику, можетъ скорѣе окончиться, чѣмъ въ другой. Такимъ образомъ, на одномъ пунктѣ поля битвы одна часть войскъ можетъ начать атаку ранѣе, и провести ее скорѣе, чѣмъ другая. Если бы артилерія, входящая въ составъ этой части, не содѣйствовала бы ей къ достиженію дальнѣйшей цѣли, то она была бы ничто иное, какъ тормазъ, и не имѣла бы даже значенія вспомогательнаго оружія. Артилерія всегда должна хорошо понимать цѣль, къ достиженію которой стремится пѣхота и, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать этой послѣдней. Дистанціи, какъ большія, такъ и малыя, опредѣляются сами собой, и въ каждомъ изъ будущихъ сраженій на нѣкоторыхъ пунктахъ артилеріи придется стоять отъ непріятели такъ же близко, какъ это было и въ франко-прусскую войну. Артилерія вообще не должна бояться непріятельской ружейнаго огня; она должна приносить себя въ жертву, гдѣ того требуютъ обстоятельства и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда самопожертвованіемъ она можетъ спасти общее положеніе дѣла, но добиваться этого изъ одного принципа было бы по меньшей мѣрѣ легкомысленно; подобная легкомысленность легко можетъ привести артилерію къ полной неспособности къ веденію дальнѣйшаго боя. Франко-германская война и въ этомъ отношеніи можетъ служить подтвержденіемъ сказаннаго. Случалось, что батареи, попавшія въ сферу самаго дѣйствительнаго пѣхотнаго огня, продолжали дѣлать свое дѣло, и это поступокъ вполне похвальный, но, смотря съ другой точки зрѣнія, т. е. если можно было избѣжать потерь, сопряженныхъ съ подобными дѣйствіями, или, говоря другими словами, если въ подобныхъ близкихъ подѣздахъ къ непріятелю не встрѣчалось дѣйствительной надобности, то такого рода поступки не заслуживаютъ ничего болѣе, какъ самаго строгаго пори-

панія. Потому что, если бы всё батареи захотѣли поступать точно такъ же изъ одного только подражанія, то армія осталась бы скоро безъ артилеріи. Человѣку вообще свойственно завидовать счастьемъ другаго, которому удалось выполнить что либо блестящее; но солдатъ прежде всего долженъ имѣть въ виду интересы цѣлаго и подавлять свое личное честолюбіе для общей пользы. При особыхъ обстоятельствахъ, съ одной стороны, непріятель и, прежде всего, хорошее обученіе и подготовка въ мирное время всегда предотвратятъ возможность упустить изъ вида благоприятные моменты для наилучшаго дѣйствія артилеріи съ небольшихъ разстояній.

Оканчивая этимъ выписку изъ первой главы, переходимъ къ дальнѣйшему изложенію дѣйствій артилеріи въ бою.

Съ переходомъ пѣхоты въ третью зону, дѣятельность артилеріи если не совсѣмъ оканчивается, то, по крайней мѣрѣ, приостанавливается на нѣкоторое время. Третій моментъ боя, или приступъ на непріятельскую позицію, составляетъ исключительную дѣятельность пѣхоты. Въ этотъ періодъ боя движеніе выступаетъ на первый планъ; для артилеріи же движеніе есть не болѣе какъ средство къ достиженію цѣли, а потому ей по неволѣ придется въ этотъ періодъ ограничиться ожиданіемъ исхода боя. При удачѣ приступа, артилерія слѣдуетъ на занятую позицію, при неуспѣхѣ она должна служить первой опорой отброшеннымъ войскамъ: давая возможность имъ снова собраться съ силами, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна дать первый отпоръ и непріятельскому натиску. Наступившимъ перерывомъ, который по ходу дѣла не можетъ быть продолжителенъ, артилерія должна воспользоваться для укомплектованія батарей людьми и боевыми припасами, а равно и для исправленія незначительныхъ поврежденій. Но при всемъ этомъ она должна быть всегда на готовѣ, для болѣе серьезной дѣятельности. Въ упомянутый періодъ батареи, находящіяся впереди, ни въ какомъ случаѣ не должны мѣнять позицій. Самое большее, что можно допустить въ это время, это усиленіе передней линіи артилеріи батареями, расположенными свади. Къ тому же, третій періодъ боя самый опасный для атаки, такъ какъ именно въ это время обороняющійся, пользуясь утомленіемъ войскъ атакующаго, можетъ съ большею вѣроятностью рассчитывать на успѣхъ встрѣчныхъ ударовъ. Имѣя это въ виду, начальникъ артилеріи съ особеннымъ вниманіемъ долженъ слѣдить за ходомъ боя и дать немедленный отпоръ каждому встрѣчному удару, предпринимаемому со стороны непріятеля. При отбитіи атаки, отброшенные войска оажутся въ самомъ непродолжительномъ времени передъ орудіями, а вслѣдъ за ними явится и непріятель. Хотя при этомъ придется производить

стрѣльбу и на небольшія разстоянія, но на мѣткость огня неминуемо будетъ вліять та поспѣшность и суетливость, съ которой производится стрѣльба въ такіе моменты боя. Картечь и шрапнель съ трубками на дистанцію картечнаго выстрѣла (Kartätschstellung) составляютъ отличное средство въ этомъ случаѣ; эти снаряды, употребленные въ большихъ размѣрахъ, могутъ дать благоприятный оборотъ дѣлу. Очевидно, что и при такихъ обстоятельствахъ, обстрѣливаніе непріятеля съ разныхъ сторонъ будетъ болѣе рационально. Само собой разумѣется, что въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о занятіи новой позиціи, такъ какъ цѣль, т. е. непріятель, является тутъ самъ противъ батареи. Если подъ рукой не имѣется свѣжихъ войскъ, то батареямъ при подобныхъ обстоятельствахъ остается только одно: или побѣдить или погибнуть. Во франко-германскую войну артилеріи иногда удавалось, безъ содѣйствія другихъ войскъ, отражать натиски пѣхоты и кавалеріи. Хотя артилерія, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, и обладаетъ большею самостоятельностью, но во всякомъ случаѣ успѣхъ, достигнутый ею, можетъ быть только моментальный; дальнѣйшее же обезпеченіе его будетъ зависѣть отъ другихъ родовъ оружія и въ особенности отъ пѣхоты, которая, подоспѣвъ во-время, одна только и въ состояніи противопоставить прочную преграду непріятельскому натиску.

Послѣ удачнаго приступа, артилерія спѣшитъ расположиться на занятомъ пунктѣ, съ цѣлію сдѣлать тщетными всѣ попытки непріятеля снова отнять взятое. Каждому болѣе или менѣе извѣстно, что пѣхота, ворвавшись на непріятельскую позицію, бываетъ до такой степени утомлена и ослаблена, что едва ли будетъ въ состояніи удержать ее за собой, это могутъ сдѣлать только слѣдующіе зади резервы и артилерія. Но такъ какъ резервы трудно имѣть всюду и во всякое время, а кромѣ того иногда ихъ можетъ вовсе и не быть подъ рукою, то артилеріи въ такіе моменты снова придется взять на себя главную роль. Въ виду этого, а равно и для защиты занятой позиціи на всемъ протяженіи, артилерія должна явиться какъ можно скорѣе и въ возможно большихъ силахъ. Масированіе артилеріи и въ этомъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ, допустивъ его, пришлось бы оставить безъ защиты большія пространства взятой позиціи, на которыя, при нѣкоторой энергіи, обороняющій можетъ съ успѣхомъ направить свои встрѣчныя атаки. Если въ послѣднюю кампанію, а по всей вѣроятности и въ будущія войны, не смотря на слабое занятіе взятой позиціи со стороны артилеріи и на физическое и нравственное ослабленіе силъ атакующаго, обороняющійся чрезвычайно рѣдко прибѣгалъ къ встрѣчнымъ ударамъ, то это происходило не вслѣдствіе неувѣренности,

въ возможности и вѣроятности успѣха, а только благодаря разрушительному дѣйствію огня, которое приводитъ отступавшаго противника еще въ болѣе разстроенное состояніе, чѣмъ войска атаки. Вторженіе на непріятельскую позицію, благодаря этому, въ большинствѣ случаевъ служить признакомъ окончанія боя. Послѣдующія дѣйствія сводятся для атаки къ желанію извлечь наибольшіе результаты изъ одержаннаго успѣха, а для обороны—къ стремленію сохранить что возможно изъ оставшихся обломковъ. Разъ начатое отступленіе, пока оно продолжается въ сферѣ непріятельскаго огня, не можетъ быть остановлено; всѣ помыслы отступающаго сосредоточены на одномъ: какъ можно скорѣе выдти изъ сферы огнестрѣльнаго дѣйствія. Если артилерія удастся на занятой позиціи выбрать такого рода пункты, съ которыхъ она въ состояніи обстрѣливать бѣгущаго непріятели, то начатое отступленіе можетъ быть ею обращено въ полнѣйшую панику. При выборѣ этихъ пунктовъ слѣдуетъ обращать вниманіе на дѣйствіе огня, а не на представляемыя закрытія; но такъ какъ при пересѣченной мѣстности рѣдко можно дѣйствовать съ одного пункта на всемъ протяженіи (полета снарядовъ), то и въ этомъ случаѣ разсѣяніе артилеріи по всей позиціи представляетъ большія выгоды передъ сосредоточеніемъ ея на одномъ пунктѣ.

Этимъ авторъ заканчиваетъ дѣйствія артилеріи въ наступательномъ бою и затѣмъ переходитъ къ дѣйствіямъ этого рода оружія при оборонѣ.

Обороняющійся, говоритъ г. Тюргеймъ, имѣетъ на своей сторонѣ слѣдующія преимущества: прежде всего онъ заранѣе можетъ подготовить позицію, расположить боевыя силы за закрытіями и притомъ противъ мѣстныхъ препятствій, черезъ которыя долженъ проходить непріятель; кромѣ того, обороняющійся всегда можетъ заранѣе измѣрить разстоянія. Всему этому атака обыкновенно съ своей стороны противопоставляетъ прежде всего превосходство въ силахъ. Мы говоримъ *обыкновенно* или почти всегда, замѣчаетъ авторъ, потому что суть боя состоитъ именно въ наступленіи; оборона сама по себѣ есть вынужденная роль; на эту пассивность обороняющійся обрекаетъ себя вслѣдствіе превосходства, и притомъ исключительно физическаго, въ силахъ атаки. Итакъ, если съ одной стороны обороняющій въ состояніи въ началѣ боя расположить свои батареи удобнѣе, чѣмъ атакующій, то съ другой, на сторонѣ атаки будетъ превосходство въ числѣ и свобода движеній. Послѣднее, т. е. свобода движеній, даетъ атакующему возможность наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ, въ тактическомъ смыслѣ, расположить свою артилерію; свобода движеній

дасть также возможность атакующему противопоставить расположенным на определенных пунктах батареям обороны огонь батарей, одновременно направленный и сосредоточенный съ разныхъ сторонъ. Благодаря этому, говоритъ г. Тюргеймъ, выгоды, представляемыя заранее избранными и подготовленными позиціями обороны, окажутся болѣе или менѣе фиктивными.

Справедливо, что закрытія, пока они остаются таковыми, уменьшая поражаемую цѣль, вмѣстѣ съ тѣмъ, ограничиваютъ и процентъ попадающихъ въ нее снарядовъ; но подобныя закрытія, по мнѣнію автора, могутъ на самомъ дѣлѣ противостоять только пѣхотному огню, но не въ состояніи долго оставаться дѣйствительными закрытіями противъ огня артилеріи.

Искусственныя насыпи, каменные стѣны и пр., по словамъ г. Тюргейма, не могутъ служить закрытіями для батарей отъ дѣйствій непріятельскаго артилерійскаго огня. Парализовать дѣйствіе этого огня можно только однимъ путемъ: затруднить непріятелю наблюденіе за полетомъ своихъ снарядовъ. Но такъ какъ заранее подготовленныя позиціи, до известной степени, мѣшаютъ свободѣ передвиженій, то авторъ считаетъ необходимымъ, чтобы и обороняющійся, съ своей стороны, не лишалъ себя совершенно этого средства. Словомъ, артилерія обороны также не должна быть окончательно привязана къ разѣ занятой позиціи. Въ первый періодъ боя задача артилеріи обороны та же самая, какъ и артилеріи атаки, а именно, пораженіе непріятельской артилеріи на столько, чтобы она была менѣе опасна въ слѣдующій, второй періодъ боя. Принятое всѣми правило, что обороняющійся въ первый періодъ боя, въ виду дѣйствій во время вторженія, долженъ располагать, сравнительно съ атакой, меньшимъ числомъ артилеріи, основывается только на томъ, что дѣйствія артилеріи обороны, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ (заранѣе определенныхъ разстояній и пр.), сопряжены съ меньшими затрудненіями, чѣмъ при атакѣ. По мнѣнію г. Тюргейма, это правило нельзя принять безусловно. Для обороняющагося могутъ встрѣтиться такого рода обстоятельства, которыя заставятъ его выдвинуть въ первый періодъ боя въ боевую линію всю свою артилерію. Факты послѣдней франко-германской войны, хотя прямо и не противорѣчатъ этому, но, принимая во вниманіе разницу въ техникахъ матеріальной части обоихъ противниковъ, нельзя вывести изъ нихъ прямого заключенія въ пользу этого предложенія. Обороняющійся при достиженіи боевыхъ цѣлей всегда на своемъ пути наталкивается на одну и ту же дилемму: желаніе достигнуть положительныхъ результатовъ, употребляя для этого отрицательныя средства.

Но если обороняющійся, при относительно слабыхъ силахъ, особенно пѣхоты и кавалеріи, долженъ по возможности стараться цѣлесообразнымъ употребленіемъ довести ихъ до полного равенства съ атакой, то это правило въ примѣненіи къ артилеріи не можетъ имѣть мѣста. Цѣль артилеріи обороны та же, что и атаки, — окончательное пораженіе непріятельской артилеріи, а для достиженія этой цѣли есть только одно средство: перевѣсъ въ силахъ на всѣхъ пунктахъ, гдѣ это возможно. Истощеніе силъ артилеріи не достигается ни продолжительностью боя, ни неизбежнымъ съ этимъ утомленіемъ; а артилерію нельзя довести до истощенія, даже заставивъ ее израсходовать всѣ боевые припасы; словомъ, для полного парализованія дѣйствій артилеріи есть только одно средство: полное ея пораженіе. Къ достиженію этой цѣли слѣдуетъ стремиться всѣми мѣрами, такъ что, по мнѣнію г. Тюргейма, нѣтъ болѣе неправильнаго положенія, какъ то, чтобы известному числу непріятельскихъ орудій противопоставлять только равное и даже меньше число орудій, дѣлая это въ виду лучшей позиціи и желанія сберечь нѣсколько свѣжихъ батарей для позднѣйшаго момента. Артилерія, вслѣдствіе меньшаго утомленія, можетъ вести бой долѣе другихъ войскъ; ослабленіе ее обуславливается исключительно потерями. Кроме того, если развѣ признается справедливымъ, что переводъ батарей съ одного пункта поля битвы на другой не сопряженъ съ большими опасностями, то тѣмъ менѣе оснований не употреблять разомъ всей артилеріи въ томъ случаѣ, когда имѣютъ въ виду достигнуты известныя результаты въ наивозможно короткое время.

Дѣятельность артилеріи обороны видоизмѣняется во второй періодъ боя гораздо менѣе, чѣмъ дѣятельность артилеріи атакующаго, такъ какъ въ этотъ періодъ боя она дѣйствуетъ съ тѣхъ же позицій, какъ и въ первый. При неблагопріятномъ ходѣ дѣла, когда обороняющійся ясно сознаетъ невозможность долѣе оставаться на занятой имъ позиціи, онъ обязанъ своевременно отвести свою артилерію съ тѣмъ, чтобы имѣть ее подъ рукой во второй и третій моменты боя. Перемѣна позиціи при такихъ обстоятельствахъ неизбежна, самый же отводъ артилеріи въ сферѣ непріятельскаго артилерійскаго огня можетъ быть произведенъ безъ большихъ потерь только въ томъ случаѣ, когда батареи расположены на позиціи не сплошною линіею и имѣютъ достаточный просторъ для передвиженій. Но какъ скоро началось наступательное движеніе непріятельской пѣхоты, артилерія обороны должна всѣми силами противодѣйствовать этому. Для того же, чтобы артилерія могла дѣйствовать далѣе, не будучи маскируема собственной пѣхотой, необходимо облегчить возможность стрѣльбы поверхъ своихъ войскъ, а по-

тому полезно, чтобы артиллерійская позиція командовала надъ фронтомъ оборонительной линіи. Подобное расположеніе особенно можетъ принести пользу въ третій моментъ боя, при неудачномъ исходѣ его для обороны, когда артилерія обязана удержать непріятельскій натискъ и этимъ облегчить отступленіе своихъ войскъ. Для выполнения возлагаемыхъ на артилерію задачъ, батареи обороны не слѣдуетъ слишкомъ близко выдвигать къ боевой линіи, занимаемой пѣхотой. Вообще, тѣсная связь между артилеріей и пѣхотой при оборонительныхъ дѣйствіяхъ не составляетъ такой необходимости какъ при наступательныхъ, такъ какъ обороняющемуся заранее извѣстна боевая позиція, о защитѣ которой идетъ дѣло, а крайній предѣлъ этой позиціи обороняющійся переходитъ только при благопріятномъ для него оборотѣ дѣла; имѣя все это въ виду, артилерія обороны съ самаго начала можетъ занять такія позиціи, которыя будутъ находиться отъ этой предѣльной боевой линіи на разстояніи, не превышающемъ дѣйствительность ружейнаго огня, т. е. 600 метровъ.

Подобное расположеніе даетъ возможность имѣть артилерію подъ рукою, при благопріятномъ оборотѣ дѣла, въ первый и второй моменты боя, для производства встрѣчнаго удара. Но такъ какъ съ этого момента оборона переходитъ въ наступленіе, то дальнѣйшія дѣйствія артилеріи будутъ совершенно согласны съ вышеизложенными дѣйствіями атаки. При подобномъ обмѣнѣ ролей, безусловно необходимо, чтобы начальникъ обладалъ вѣрнымъ взглядомъ. Своевременный переходъ артилеріи отъ оборонительныхъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ значительно облегчается, когда начальникъ артилеріи находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ подлежащимъ высшимъ войсковымъ начальникомъ.

Этимъ г. Тюргеймъ и заканчиваетъ изслѣдованіе тактики полевой артилеріи.

• •

ПЭНДЖАВЪ

И СѢВЕРО-ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА ИНДИИ.

The Punjab and North West Frontier of India. (By an old Punjabee. London. 1878).

(Окончаніе) (1).

Судя по слухамъ, говорить авторъ, племена бонэровъ и суатовъ могутъ выставить во время войны отъ 12,000 до 15,000 человекъ; если предположить столько же у момундовъ и баджуровъ, то можно безошибочно сказать, что всѣ эти племена, въ случаѣ надобности, могутъ образовать армию въ 40,000—50,000 человекъ. Момунды самые беспокойные сосѣди англичанъ: за то бонэры съ 1863 г. состоятъ съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Момунды еще съ 1849 г. начали уже обнаруживать свою неприязнь къ англичанамъ; они вторгались по ночамъ въ ихъ селенія, вели упорную войну гверильсовъ, мародерствовали и, наконецъ, въ числѣ 6,000 человекъ появились на британскомъ пограничномъ пунктѣ Шубвуддуръ. Однако, сэръ Кэмблъ прогналъ ихъ и нанесъ имъ значительный уронъ. Вплоть до 1861 г. они не переставали тревожить англичанъ; одинъ только вождь ихъ, Нуабъ-Ханъ, сумѣлъ сдерживать ихъ вплоть до 1863 г., когда они вновь возстали и приняли участіе въ умбелаской кампаніи. Послѣ того момунды нѣсколько успокоились и начали даже арендовать земли въ чертѣ англійскихъ владѣній, что не очень нравится британскому правительству. Момунды находятся въ болѣешемъ подчиненіи у кабульскаго эмира, чѣмъ всѣ прочія пограничныя племена, и потому при первой демонстраціи эмира противъ англичанъ момунды несомнѣнно окажутся самыми ревностными его пособниками.

Послѣ авганъ слѣдуетъ упомянуть объ афридахъ, поселившихся на правомъ берегу рѣки Кабула, откуда они протянулись на 50 миль ниже къ югу; на всемъ этомъ пространствѣ они тѣсно примыкаютъ къ границамъ британскихъ владѣній. Если бы не было никакой преграды для такого близкаго сосѣдства, пишетъ авторъ, то африды, пожалуй еще больше бы насъ тревожили, чѣмъ афганы; но стоитъ только взглянуть на карту, чтобы увидѣть, что узкая полоса земли, принадлежащая афридамъ, вѣзалась мысомъ между двумя главными англійскими пограничными крѣпостями, Пэшаверомъ и Когатомъ, перерѣзываемыми ихъ пути сообщенія. Это дефиле, извѣстное подъ именемъ Когатскаго ущелья, имѣетъ 15 миль длины и 3 или 4 мили ши

(1) См. «Военный Сборникъ» 1879 г., № 1-й.

рины. Черныя, обрывистыя горы замыкають входъ въ него; этотъ ключокъ земли порядочная обуза для британскаго правительства, но въ политическомъ отношеніи онъ ему необходимъ, какъ цѣпь, связывающая Пашаверъ съ остальными владѣнія Англіи по ту сторону Инда.

Рѣшеніе — держать это ущелье постоянно открытымъ, на условіи платить извѣстную субсидію афридамъ, вмѣсто того, чтобы оставить его за собой и воздвигнуть вдоль него нѣсколько укрѣпленій, было принято англичанами при совершеніи акта о присоединеніи къ ихъ владѣніямъ Панджаба, въ апрѣлѣ 1849 г., и поставлено первымъ пунктомъ въ дружескомъ договорѣ съ афридами. Британское правительство обязалось уплачивать ежегодно по 570 ф. ст. вождямъ афридовъ (теперь эта сумма возросла до 1,370 ф.), съ тѣмъ условіемъ, чтобы тѣ держали постоянно подъ ружьемъ 45 человекъ, для охраны ущелья, причемъ на нихъ была возложена отвѣтственность за личную безопасность путешественниковъ и за цѣлость ихъ имущества. Не успѣли подписать договора, какъ отрядъ афридовъ напалъ на англійскихъ саперовъ и минеровъ, проходившихъ на работу ущельемъ. Сэръ Чарльзъ Нэпиръ строго проучилъ за это афридовъ; но урокъ не послужилъ имъ въ пользу; съ тѣхъ поръ, въ теченіе 28 лѣтъ, не проходитъ года, чтобы африды не отличились какимъ нибудь разбойничьимъ подвигомъ и чтобы англичане не употребили противъ нихъ репрессивныхъ мѣръ. Правительство Панджаба, въ своихъ ежегодныхъ доведеніяхъ парламенту, восторгается мирнымъ настроеніемъ афридовъ и увѣряетъ, что это самые надежные друзья Англіи; конфиденціальныя же его отчеты полны описаній враждебныхъ дѣйствій этихъ, яво бы, кающихся грѣшниковъ.

Африды и принадлежащее къ нимъ многочисленное племя орукваи могутъ выставить отъ 30,000 до 40,000 винтовокъ (?). За ними, въ географическомъ порядкѣ, слѣдуютъ кутуки. Изъ отчетовъ 1852 г. видно, что у нихъ находилось подъ ружьемъ 15,000 человекъ; но число это, повидимому, преувеличено. Кутуки очень величественное племя, и въ первые годы британскаго владычества англичанамъ было много хлопотъ съ ними. Они занимають горы на югъ отъ Пашавера къ Кузхалгару и Калабагу на Индѣ; отсюда тянется горный проходъ къ Богатъ; такимъ образомъ, у кутуковъ съ тыла Когатъ и Пашаверъ, а съ обѣихъ фланговъ часть Когата и британскій округъ Бунгу. Поэтому, положеніе ихъ гораздо стѣсненнѣе, чѣмъ положеніе афридовъ и бонэровъ; тѣмъ не менѣе, англичане долго не могли рассчитывать на вѣрность этого племени. По счастью для британскаго пра-

вительства, кутуки находятся болѣе подъ вліяніемъ своихъ хановъ, нежели музль; два послѣдніе хана, отличавшіеся неимовѣрною жестокостію, были чрезвычайно расположены къ Англіи и, не смотря на разныя препятствія, крѣпко примкнули къ ней, тотчасъ по присоединеніи Пэнджаба. Изъ кутуковъ выходятъ отличные солдаты; многие изъ нихъ поступили въ ряды англійскихъ войскъ.

За кутуками слѣдуютъ вузирьы, почитаемые англичанами бичомъ ихъ южныхъ границъ, точно такимъ же, какъ африды сѣверныхъ. Они подраздѣляются на три большіе клана, названные именами трехъ сыновей одного изъ ихъ хановъ: ахмудзы, утманзы и музуды.

Ахмудзы занимаютъ сѣверную, утманзы центральную, а музуды южную часть округовъ Бунну и Измаиль-хана, на пространствѣ 120—130 миль. Музуды сидятъ въ горахъ, въ сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ и, подобно афридамъ, раздѣляются на многочисленныя кланы. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, у нихъ подъ ружьемъ до 20,000 человекъ; но такъ какъ сами музуды насчитываютъ у себя не болѣе 12,000 населенія, то, конечно, первая цифра не вѣрна. Изъ вузирскаго племени всего болѣе доставлялъ безпокойства англичанамъ кланъ кабуловъ, принадлежацій къ вѣтви утманзы и занимающій мѣстность, пограничную съ Когатомъ. Кабулы очень часто дѣлали набѣги на долину Мирунзи, населеніе которой также не мало тревожило англичанъ, вслѣдствіе чего британское правительство вынуждено было три раза отправлять въ эту долину военныя экспедиціи для наказанія мятежниковъ. Противъ кабуловъ потребовались, въ 1860 г., такія же репрессивныя мѣры за то, что они укрыли убійцъ одного англійскаго офицера. Урмудзы, изъ вѣтви ахмудзовъ, непрерывно тревожили границы провинціи Бунну; въ эпоху присоединенія Пэнджаба, ихъ хлѣбныя поля врѣзывались въ британскія владѣнія, и не смотря на то, они вели себя далеко не такъ, какъ слѣдовало бы мирнымъ земледѣльцамъ. Въ первые три года по завоеваніи края, урмудзы то и дѣла вторгались въ сосѣднія провинціи, угоняли скотъ, опустошали деревни, грабили по дорогамъ. Наконецъ, англичане потеряли терпѣніе, снарядили довольно сильный отрядъ, послали его въ горы, и быстрыми рѣшительными мѣрами положили конецъ неурядицъ; урмудзы поняли тогда, что горы ихъ не неприступны и покорились силѣ.

Музуды, какъ сказано выше, считаются самыми опасными и неприятными сосѣдями англичанъ. Они ни за что не соглашаются заняться земледѣліемъ или хотя, подобно афридамъ, вести мелкую мѣновую торговлю солью, дровами и т. д., посредствомъ которой англичане держатъ, болѣе или менѣе, въ рукахъ непокорное племя, такъ какъ въ

случаѣ малѣйшаго разлада, они могутъ тотчасъ закрыть необходимый для африды рынокъ.

Музуды поселились въ горномъ краѣ, на югъ отъ провинціи Бунну и на западъ отъ округа Дера-Измаилъ-Ханъ. Племя это раскинулось на 80 миль вдоль англійской границы, и въ первые годы британскаго владычества, мародеры ихъ ежедневно вторгались въ ближайшіе округа, почти всегда успѣвая безнаказанно скрыться. По неволѣ пришлось устроить цѣлый рядъ укрѣпленныхъ постовъ вдоль границы и организовать правильную систему патрулей; но и при всѣхъ этихъ мѣрахъ предосторожности, музуды въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ не прекращали своихъ хищническихъ набѣговъ. Они были твердо убѣждены, что къ нимъ въ горы никто не посмѣетъ пробраться, и не разъ хвастали, что нога чужеземца никогда не попирала ихъ родной почвы. 1860 годъ доказалъ имъ противное. Въ мартѣ этого года, музуды, въ числѣ 4,000 чел., подошли къ городу Тэку, стоящему въ пяти миляхъ отъ пограничной черты англійскихъ владѣній, и видимо начали готовиться взять его штурмомъ. Гарнизонъ Тэка состоялъ изъ 160 кавалеристовъ и незначительнаго отряда пѣхоты, подъ командой туземнаго офицера Сахадуть-Хана, человѣка необыкновенно храбраго и отличнаго тактика, какъ оказалось впоследствии. Посадивъ на коней свою кавалерію, онъ двинулся на наступавшихъ музудовъ, и вдругъ, точно пораженный внушительнымъ видомъ этой толпы, началъ отступать. Когда музуды увидѣли это, то бросились впередъ очертя голову, стрѣляя безъ умолку и безъ толку изъ своихъ винтовокъ; но только что они высыпали изъ горныхъ ущелій и лощинъ въ открытое поле, Сахадуть-Ханъ повернулъ фронтъ и далъ по непріятелю залпъ почти въ упоръ. Произошелъ страшный переполохъ; музуды кинулись вразсыпную назадъ; 200 человѣкъ изъ нихъ легло на мѣстѣ, всѣ прочіе скрылись въ горы.

Не довольствуясь такимъ ничтожнымъ успѣхомъ, британское правительство, въ половинѣ апрѣля того же года, приказало генералу Чемберлену образовать отрядъ изъ 5,000 пѣхоты, съ двумя полевыми и двумя горными батареями, и идти въ горы къ музудамъ съ требованіемъ, чтобы они немедленно заплатили контрибуцію, въ наказаніе за безпокойства, причиненныя ими англичанамъ. Не прибѣгая ни къ какимъ хитростямъ, не дѣлая никакихъ тайственныхъ приготовленій, Чемберленъ смѣло и открыто повелъ свои войска въ горы и энергически потребовалъ немедленной уплаты дани.

Вотъ вкратцѣ описаніе этого похода. Англійскій отрядъ въ апрѣлѣ выступилъ изъ Тэка; путь его лежалъ вдоль русла Замы, — мелкой

рѣчки или потока, берущаго начало въ Пиргульскихъ горахъ. Замъ—своего рода артерія всей этой мѣстности, такъ какъ онъ даетъ возможность горнымъ племенамъ разводить у себя хлѣбныя поля, для орошенія которыхъ отъ него проведены каналы самаго первобытнаго устройства. Англичанамъ пришлось везти артилерію на мулахъ; лошади и люди шли все время въ бродъ, потому что поздней весною воды въ Замъ очень мало, за то осенью, въ дождливые мѣсяцы, и въ февралѣ, тотчасъ послѣ того, какъ стаетъ снѣгъ, потокъ дѣлается очень бурнымъ и совершенно непроходимымъ. Послѣ первой, небольшой стычки съ непріятелемъ, гдѣ англичанамъ порядкомъ—таки досталось, они добрались до Пулозина, мѣста расположенія главной арміи музудовъ. Здѣсь произошло серьезное столкновеніе противниковъ; неумѣнье сосредоточивать свои силы и стойкой массой выдерживать атаки, было причиною рѣшительнаго пораженія музудовъ. Черберленъ взялъ штурмомъ укрѣпленныя ихъ позиціи и разсѣялъ ихъ.

1-го мая къ англійскому генералу явились старѣйшины для переговоровъ; онъ потребовалъ контрибуцію въ 1,400 фунт. стерл. и сверхъ того, нѣсколько заложниковъ, какъ поруку, что впредь музуды будутъ жить смирно. Депутаты долго обсуждали предложенныя условія и объявили, наконецъ, что они не могутъ принять ихъ; тогда Чемберленъ сказалъ, что онъ прямо пойдетъ на столицу музудовъ, Канигурумъ, и тамъ предъявить свои требованія. Черезъ два дня, онъ, дѣйствительно, двинулся далѣе, держась прежняго направленія вдоль русла потока Замъ. Вскорѣ оказалось, что музуды стягиваютъ свои силы, чтобы загородить англичанамъ путь къ ихъ столицѣ; по обѣимъ сторонамъ дефиле то и дѣло начали попадаться грозныя баривады изъ громадныхъ древесныхъ пней и грудъ камней. Англичанамъ приходилось брать каждое такое препятствіе приступомъ; однако, не смотря на упорное сопротивленіе, музуды были не въ силахъ долго держаться, за недостаткомъ боевыхъ снарядовъ и провіанта. О военныхъ обозахъ или о военныхъ складахъ—они и понятія не имѣютъ; ихъ солдаты носятъ на себѣ, кромѣ оружія, свернутую цыновку для спанья и небольшой мѣшочекъ маисовой муки; этимъ ограничивается весь его багажъ. Вышелъ у солдата порохъ, истощился запасъ муки, онъ долженъ идти домой за новыми припасами, такъ какъ ему нечего ждать ни отъ начальства, ни отъ тѣхъ деревень, которыя попадутся на пути. Не мудрено послѣ того, что музуды не могли остановить англичанъ въ ихъ движеніи къ столицѣ.

Канигурумъ, по словамъ автора, чрезвычайно живописный городъ; онъ расположенъ на горныхъ уступахъ; въ долинахъ, его окружаю-

шихъ, видны деревья и засѣянные поля. Лишь только британскія войска показали передъ стѣнами города, все населеніе его вышло на встрѣчу побѣдителямъ, съ изъявленіемъ покорности, за что Чемберленъ пощадилъ ихъ; но онъ выжегъ до-тла многочисленное селеніе Мукинъ, жители котораго оказали сопротивление. Послѣ двухнедѣльной экспедиціи въ мѣстности, заселенной одними лишь враждебными племенами, генераль Чемберленъ вернулся въ Тэкъ, окончивъ блистательнымъ образомъ возложенное на него порученіе. Во все это время у него были прерваны всѣ сообщенія съ долиной, такъ что онъ принужденъ былъ довольствоваться свои войска только тѣми запасами, которые захватилъ съ собой. Однако, музуды, не затѣвая серьезныхъ столкновеній съ англичанами, до сихъ поръ продолжаютъ дѣлать хищническіе набѣги на британскую территорію и не хотятъ покориться власти чужеземцевъ хотя на столько, чтобы ихъ можно было считать за надежныхъ союзниковъ Англіи.

Ближайшіе сосѣди музудовъ—буттуны,—маленькое, незначительное племя, заселившее откосы горы Губуръ и часть земли между округомъ Тэкъ и владѣніями музудовъ. Они могутъ выставить на время войны до 4,000 винтовокъ; но солдаты они плохіе. Рядомъ съ ними живутъ шіораны,—воры, хищники, хотя далеко не такіе храбрые, какъ музуды; они расположены по окраинамъ горъ, въ провинціи Дера-Измаиль-Ханъ, и могутъ выставить до 6,000 винтовокъ. Въ 1853 году англичане, чтобы наказать за безпрестанные грабежи, сожгли ихъ столицу и нѣсколько укрѣпленныхъ селеній, послѣ чего они притихли.

Авторъ заканчиваетъ списокъ афганскихъ пограничныхъ племенъ *ловиндахами*,—промышленнымъ, торговымъ племенемъ, занимающимся доставкой различныхъ произведеній изъ Афганистана, Бухары и т. д. въ Индію. У нихъ ходятъ иногда караваны изъ нѣсколькихъ сотъ верблюдовъ, нагруженныхъ шерстяными матеріями, кабульскимъ виноградомъ, фисташками, сухими плодами, бараньими бурками и персидскими кошками; но иной разъ они приводятъ только лошадей. Въ былыя времена караваны эти безопасно пробирались въ Дели, Агру, Калькуту или Лагоръ, дѣлая, такимъ образомъ, 1,200—1,300 миль; купцы сбывали свой товаръ съ выгодой, грузили верблюдовъ произведеніями Европы и успѣвали вернуться домой до наступленія жаркихъ мѣсяцевъ. Но впоследствии имъ пришлось не мало терпѣть отъ притомокъ и грабежей племена *вузировъ*, мимо владѣній которыхъ пролегалъ ихъ торговый трактъ, и только благодаря защитѣ британскаго правительства, эти мирные люди теперь нѣсколько ограждены отъ хищниковъ. Повиндахи, подобно всѣмъ другимъ афганскимъ племенемъ.

намъ, дѣлятся на кланы; самые извѣстные между ними назирь и минъ-кхелы.

На южной оконечности провинціи Дера-Измаилъ-Ханъ живутъ билуки; за ними слѣдуютъ: куфаны, бождары, кетраны и еще пять или шесть мелкихъ племенъ, растянувшихся вплоть до крайняго пункта британской границы близъ Синда. Съ ними англичанамъ гораздо меньше хлопотъ, чѣмъ съ афганами; притомъ, мѣстность, гдѣ они поселились, болѣе ровная, нѣтъ такихъ неприступныхъ скалъ и предательскихъ ущелій, какъ на сѣверѣ.

Провинція Синдъ соединяется съ Пэнджабомъ близъ Кусмора. Пограничные посты тянутся на протяженіи 190 миль и очень удалены отъ горъ; ихъ сторожевыя будки стоятъ на разстояніи 50 или 60 миль отъ горнаго хребта. Нельзя не сознаться, замѣчаетъ авторъ, что англичане слишкомъ легко относятся къ такому важному вопросу, какъ охраненіе сѣверо-западной границы своихъ индійскихъ владѣній. Единъ только Пешаверъ, главный пунктъ, господствующій надъ торговымъ трактомъ изъ Кабула чрезъ Хайберскій перевалъ, имѣетъ гарнизонъ изъ регулярныхъ войскъ; онъ состоитъ изъ двухъ пѣхотныхъ европейскихкихъ полковъ, пяти пѣхотныхъ же и двухъ кавалерійскихъ туземныхъ полковъ и четырехъ батарей; сверхъ того, есть еще небольшой резервъ, расположенный въ 20 миляхъ отъ Пешавера, вдоль рѣки Инда. Въ случаѣ возстанія момундовъ въ Хайберскомъ или Когатскомъ перевалахъ, достаточно выслать изъ Пешавера одну бригаду. Британское правительство держится правила посылать во всѣ экспедиціи только пэнджабскія пограничныя войска, численность которыхъ никогда не превышала 11,000 человекъ. Въ продолженіе 28-ми лѣтняго обладанія англичанами краемъ, было около 30 экспедицій для усмиренія пограничныхъ племенъ; поэтому немудрено, что солдаты и офицеры пэнджабскихъ войскъ отличаются необыкновенной храбростію и выносливостію.

Всѣ горныя племена, живущія вдоль пограничной черты сѣверо-западныхъ британскихъ владѣній, исповѣдуютъ, какъ сказано выше, магометанскую вѣру, и всѣ они, безъ исключенія, суниты. Понятій о правилахъ нравственности у нихъ не существуетъ; отъ убійства, воровства и насилія ихъ можетъ удержать только страхъ возмездія, а не уваженіе къ собственности или жизни человѣка и къ чести женщины. Они не боятся кары закона, потому что у этого первобытнаго общества нѣтъ законовъ. Кровавая мечь считается удалствомъ и вещью вполне позволительною и совершается не иначе, какъ тайкомъ изъ-за угла, опять-таки изъ страха расплаты со стороны друзей и родственниковъ жертвы. Невѣрность въ супружествѣ дѣло обыкновен-

ное, такъ какъ женщина, по мнѣнію афганъ и афридъ, стоитъ ступеню ниже домашняго скота; впрочемъ, пойманная врасплохъ жена и любовникъ немедленно предаются смерти. Замѣчательно то обстоятельство, говоритъ авторъ, что почти въ каждомъ случаѣ кровавой мести у афганъ, тайнымъ поводомъ непременно бываетъ женщина. Между афганками очень часто встрѣчаются красавицы, но болѣею частію онѣ глупы и неразвиты. На нихъ возложены обязанности носить воду, готовить кушанье и вообще вести все домашнее хозяйство; мужчины держатся отъ нихъ въ сторонѣ; развлеченій для нихъ не полагается, поэтому онѣ цѣлые дни сплетничаютъ и ссорятся между собой; даже принятый во всей Индіи обычай давать женщинамъ деньги на наряды и драгоценныя украшенія, здѣсь не въ ходу; синяя рубашка, такіе же шаравары, два или три серебряныхъ браслета,—вотъ все, что составляетъ имущественную собственность афганской женщины.

Мужчины, обыкновенно, собираются по вечерамъ подъ какимъ нибудь столѣтнимъ деревомъ своего селенія, вблизи воды, чтобы удобнѣе было совершать предписанныя кораномъ омовенія, и съ трубкой въ зубахъ проводить нѣсколько часовъ сряду въ разсужденіяхъ объ общественныхъ и домашнихъ дѣлахъ; женщины на эти собранія, конечно, не допускаются. Наемный музыкантъ, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за чистотой и порядкомъ на мѣстѣ сборища, потѣшаетъ публику игрой на какомъ нибудь инструментѣ или пѣснями; его вознаграждаютъ за это самой ничтожной платой или выдаютъ, во время жатвы, известное количество зерноваго хлѣба.

Полицейская власть не пользуется почти никакимъ значеніемъ у афганъ; общество само ограждаетъ свои интересы; въ случаѣ серьезнаго грабежа или вопіющаго насилія, эти горныя племена никогда не прибѣгаютъ къ помощи администраціи, а выбравъ изъ своей среды благонадежныхъ людей, отправляютъ ихъ на поиски за преступниками. Такія домашнія мѣры приводятся въ исполненіе очень быстро и дружно, такъ что цѣль почти всегда бываетъ достигнута.

Гипотеза, что афганы—потомки десяти исчезнувшихъ еврейскихъ племенъ, подтверждается многими учеными. По типу, по нѣкоторымъ чертамъ характера, по древнимъ обычаямъ, наконецъ по названію, которое они сами себѣ даютъ: «бенъ—и—израиль», т. е. сыны израиля, — можно не колеблясь причислить ихъ къ потомкамъ дѣтей Іакова; сверхъ того, между афганами безпрестанно попадаютъ имена: Давида, Іосифа, Исаи и т. д. О языкѣ этихъ народовъ существуетъ много спорныхъ предположеній; одни приписываютъ ему семитическое, другіе—санскритское происхожденіе; въ немъ часто встрѣчаются то

персидскія, то арабскія слова, но до сихъ поръ по этому вопросу ничего еще не выяснено.

Оружіе, преимущественно употребляемое афганами, это винтовки, сабли, ножи и кинжалы; къ пистолетамъ они прибѣгаютъ рѣдко; въ бою они прикрываются щитами; винтовки у нихъ разныхъ размѣровъ и разнаго вѣса; тѣ, что полегче, носятя на перевязи; цѣпляются они стоя, сидя или пригнувшись къ землѣ, причемъ винтовка вскидывается на плечо; прикладъ у винтовки короткій и иногда изогнутый, такъ какъ афганъ при стрѣльбѣ высоко подымаетъ локоть; стволъ винтовки имѣеть отъ 3-хъ до 5-ти футовъ длины. Боевые снаряды состоятъ изъ пули самой грубой выдѣлки и крупно-зернистаго пороха. Благодаря удачнымъ грабежамъ туземныхъ хищниковъ Хайберскаго перевала, въ окрестностяхъ Пашавера не рѣдко попадаются англійскія ружья и стальные пушки. Случалось не разъ, что, воспользовавшись оплошностью англійской пограничной стражи, афганы до-чиста грабили сторожевые дома и увозили оттуда все оружіе. Хотя винтовки ихъ бьютъ на разстояніи 400 ярдовъ, но на открытой мѣстности онѣ наносятъ мало вреда, вслѣдствіе того, что дикія племена вообще не обладаютъ нужной выдержкой и разстрѣливаютъ свои патроны преждевременно. Сабли у нихъ кривыя и очень тяжелыя; въ рукопашномъ бою онѣ наносятъ смертельные удары, потому что, при своей массивности, чрезвычайно остры. Самое же страшное оружіе афганъ—это ножи, которыми они мастерски владѣють; девяти вершковое лезвее этихъ ножей широкое, обоюдоострое и иногда толще въ концѣ, чѣмъ въ началѣ; рукоятка, обыкновенно, состоитъ изъ двухъ длинныхъ, параллельныхъ стальныхъ полосъ, между которыми просовывается рука, вслѣдствіе чего полосы эти защищаютъ кулакъ и нижнюю часть кисти отъ сабельныхъ ударовъ. Своей артилеріи у дикихъ племенъ и въ заводѣ нѣтъ, точно такъ же, какъ нѣтъ никакой фронтальной выправки, хотя кабульскій эмиръ и убѣжденъ, что въ его войскахъ введена правильная система обученія. У афганъ одна цѣль—напасть на врага врасплохъ; чтобы добиться желаемого, они не пренебрегаютъ никакими средствами: коварныя уловки, тайныя засады, убійства посредствомъ обмана—все пускается въ ходъ.

Сдѣлавъ краткую характеристику афганскихъ племенъ и описавъ самыя выдающіяся національныя ихъ черты, авторъ приходитъ къ обсужденію системы управленія ими британскимъ правительствомъ, причемъ проводитъ паралель между достоинствами и недостатками англійской администраціи на синдской и пэнджабской границахъ, оговариваясь

въ то же время, что условія той и другой мѣстности до такой степени различны, что, по настоящему, ихъ и сравнивать невозможно.

Такъ, напримѣръ, синдская граница состоитъ преимущественно изъ необозримыхъ равнинъ, гдѣ для мародеровъ нѣтъ защиты въ родѣ такихъ неприступныхъ твердынь, какъ Ширгульскія, Губурскія, Афридскія, Магобунскія и Черныя горы на сѣверной границѣ. По этой причинѣ, пограничныя военныя силы англичанъ заключаются здѣсь въ кавалерійскихъ летучихъ отрядахъ, а сторожевыя посты расположены на разстояніи 50 миль отъ горъ. Очевидно, что, имѣя дѣло съ хищниками, сравнительно на открытой мѣстности и зная, какой страхъ внушаетъ горцамъ кавалерія, британской администраціи въ Синдѣ гораздо легче обуздывать и карать своихъ сосѣдей, чѣмъ въ афганскихъ горахъ, гдѣ во многихъ пунктахъ кавалерія не имѣетъ возможности маневрировать и гдѣ англійскія селенія почти вплоть прилегаютъ къ селеніямъ горцевъ. О военной системѣ управленія на синдской границѣ авторъ говоритъ уклончиво, упомянувъ при этомъ, что съ назначеніемъ генерала Джекоба начальникомъ края, дѣла приняли лучшій оборотъ. Что касается политическихъ отношеній, то, по мнѣнію автора, синдскіе администраторы придаютъ слишкомъ много значенія вопросу о подданствѣ племени билуковъ келатскому хану и не кстати настаиваютъ, чтобы пэнджабское правительство точно также смотрѣло бы на положеніе афганскихъ племенъ къ кабульскому эмиру, тогда какъ, судя по многимъ фактамъ, подтверждаемымъ нѣкоторыми англійскими газетами, власть келатскаго хана надъ билуками чисто номинальная; самые сильные кланы даже вовсе не признаютъ ее, и весь авторитетъ, приписываемый ему, есть только плодъ англійской фантазіи.

Отношенія афганскихъ племенъ къ кабульскому эмиру еще болѣе неопредѣленнаго свойства и весьма шатки; самъ эмиръ никогда не признавалъ себя владыкой горцевъ, вотъ почему британское правительство, по мнѣнію автора, поступило совершенно безтактно, пригрозивъ эмиру, что онъ строго поплатится, если момунды или дурійцы вздумаютъ опять тревожить англичанъ своими набѣгами.

Гражданское управленіе Пэнджаба ввѣрено депутатамъ-комисарамъ, которые входятъ въ непосредственныя сношенія съ старѣйшинами каждаго племени. Имъ первымъ присылаютъ донесенія о каждомъ происшествіи, случившемся на границѣ, а они, въ свою очередь, докладываютъ одному изъ двухъ верховныхъ комисаровъ. Главная квартира перваго находится въ Пэшаверѣ; ему подчинены провинціи: Пэшаверъ, Хузара и Когатъ; второй комисаръ живетъ въ Дера-

Измаиль-Ханъ; ему подчинены провинціи: Дера-Измаиль-Ханъ, Бунну и Дера-Хази-Ханъ. Когда верховный комисаръ Пэшавера не въ отлучкѣ, то онъ непосредственно рѣшаетъ всѣ дѣла; частную же переписку съ кабульскимъ эмиромъ онъ всегда и вездѣ ведетъ лично, помимо депутатовъ-комисаровъ. Верховные комисары посылаютъ ежегодно, въ известное время, а также въ экстренныхъ случаяхъ, донесенія въ канцелярію пэнджабскаго губернатора-наибѣстника; отсюда дѣла поступаютъ въ иностранный секретариатъ верховнаго правительства, которое представляетъ всю переписку, въ сокращенномъ видѣ, вице-королю, а отъ него она уже идетъ къ государственному секретарю по остъ-индскимъ дѣламъ. Такимъ образомъ, каждое дѣло, чтобы получить окончательное рѣшеніе, должно пройти черезъ пять или шесть инстанцій.

Нѣтъ надобности объяснять, до чего вредно вліяетъ на весь строй администраціи такой бюрократическій порядокъ и какъ медленно рѣшаются вопросы, требующіе иногда самаго скорого рѣшенія. Не мудрено, что отчеты пэнджабскаго управленія, за 1870 г., полны жалобъ на чрезмѣрное обремененіе чиновниковъ перепиской, отнимающей возможность дѣйствовать энергично въ критическія минуты. Впрочемъ, въ англійскомъ парламентѣ поднятъ уже вопросъ о назначеніи спеціальнаго комисара въ пограничныя провинціи, который былъ бы совершенно независимъ отъ пэнджабскаго управленія и прямо сносился бы съ вице-королемъ.

Дойдя до вопроса, на сколько полезна система, принятая британскимъ правительствомъ по отношенію къ Кабулистану и пограничнымъ племенамъ, авторъ положительно утверждаетъ, что всѣ распоряженія высшаго начальства, касающіяся ихъ, до сихъ поръ терпѣли полнѣйшее фіаско. Изъ донесеній вице-короля Индіи видно, что медленность въ принятіи карательныхъ мѣръ, недостаточное количество войскъ и нерѣшительность при отправкѣ экспедицій,—все это въ высшей степени подрываетъ кредитъ англичанъ въ глазахъ афганскихъ племенъ; вся же тайна кроется въ томъ, что пэнджабское управленіе боится вице-короля, вице-король трепещетъ предъ государственнымъ секретаремъ, а тотъ, въ свою очередь, робѣетъ предъ общественнымъ мнѣніемъ. А такъ какъ въ Англійи имѣютъ весьма темное понятіе о Пэнджабѣ и его горныхъ сосѣдяхъ, то не мудрено, что до настоящаго времени общественное мнѣніе, такъ рѣзко обсуждающее каждое дѣйствіе парламента, не выработало еще себѣ опредѣленнаго взгляда на вѣсть-индскія дѣла.

Вотъ чѣмъ объясняется необыкновенная дерзость горцевъ, только въ послѣдніе годы начавшихъ убѣждаться, что съ англичанами нельзя

безнаказанно шутить. Доказательствомъ этому служитъ столкновеніе афридовъ съ правительствомъ по поводу Когатскаго ущелья, въ августѣ 1877 г. Быстро принятыя англичанами строгія мѣры для обузданія возмущившихся деревень подѣйствовали какъ нельзя лучше; въ двадцать четыре часа волненіе было прекращено и бунтовщики положили оружіе. Въ то время, когда авторъ писалъ этотъ очеркъ, именно, въ декабрь 1877 г., англичане снова готовились къ довольно серьезной экспедиціи для усмиренія племени джоуаковъ, опять-таки по поводу того же Когатскаго ущелья. Авторъ находитъ, что подобнаго рода экспедиціи будутъ повторяться до безконечности, если правительство не измѣнитъ своей системы, т. е., если оно не рѣшится конфисковать оружіе, брать заложниковъ, какъ можно строже карать каждое возстаніе и, наконецъ, если оно не употребитъ всевозможныхъ усилій для приобрѣтенія въ свою собственность, посредствомъ купли, Когатскаго ущелья, —этого вѣчнаго ябллка раздора между Англіею и афридами.

Отношенія британскаго правительства къ Кабулистану перешли черезъ различные фазисы. Афганы до сихъ поръ не могутъ простить Англіи, что она навязала имъ, въ 1841 г., непрошеннаго эмира. Они доказали свою неприязнь къ ней, выславъ на помощь шейкамъ кавалерійскій отрядъ, такъ позорно бѣжавшій съ поля битвы подъ Гужератомъ. Натянутость отношеній продолжалась до 1854 г., когда эмиръ Достъ-Махомедъ отправилъ къ генералъ-губернатору дружественное письмо, на основаніи котораго британское правительство заключило съ Кабулистаномъ наступательный и оборонительный союзъ. Въ слѣдующемъ году эмиръ обратился къ англичанамъ съ просьбою о помощи противъ персовъ, осадившихъ тогда Герать. Но 4,000 солдатъ и 50,000 ф. ст. субсидіи прібыли слишкомъ поздно: въ 1856 г. Герать попалъ въ руки персовъ. Въ январѣ 1857 г. эмиръ имѣлъ личное свиданіе съ сэромъ Лауренсомъ, главнымъ комиссаромъ Пэнджаба, и получилъ отъ него дополнительную субсидію въ 10,000 ф. ст., вмѣстѣ съ обѣщаніемъ поддержать его въ борьбѣ съ Персіей. Результатомъ всего этого было возвращеніе Герата Кабулистану, въ томъ же самомъ году. Съ тѣхъ поръ эмиръ сталъ явно тянуть на сторону англичанъ и не допускалъ своихъ подданныхъ принимать участіе ни въ какихъ возстаніяхъ противъ Англіи.

По смерти Доста-Махомеда, въ 1863 г., въ Кабулистанѣ начались волненія изъ-за престолонаслѣдія. Покойный эмиръ назначилъ своимъ преемникомъ Ширъ-Али; но два старшіе брата послѣдняго возбудили гражданскую войну, оспаривая его права на престолъ. Война длилась до 1868 г.; въ первые два года, Ширъ-Али имѣлъ успѣхъ, вслѣд-

ствіе чего британское правительство признало его эмиромъ de facto, но не de jure; это сильно задѣло его самолюбіе. Но его еще болѣе оскорбило то, что въ 1867 г., старшіе братья, одинъ вслѣдъ за другимъ, были признаны Англійей эмирами Кабулистана, и только въ августѣ 1868 г., когда Ширъ-Али удалось, наконецъ, взять верхъ надъ оппозиціей и формально вступить на престолъ, британское правительство согласилось признать за нимъ de jure титулъ эмира. Авторъ очень вѣрно заключаетъ, что настоящая враждебная выходка Ширъ-Али противъ Англійи имѣетъ въ основѣ жажду мести за прошлое. Впрочемъ, чувство затаенной злобы не помѣшало Ширъ-Али принять отъ британскаго правительства, въ томъ же 1868 г., субсидію въ 60,000 ф. ст. и подкрѣпленіе изъ 6,000 солдатъ для борьбы съ племянникомъ своимъ Абдурахъ-ханомъ.

Когда, въ 1870 г., эмиръ просилъ англичанъ провести пограничную линію между Кабулистаномъ и Персіей въ Сеистанѣ, британское правительство съ большою готовностію выслало ему все нужное для этого и даже отрядило на мѣсто комисію изъ своихъ чиновниковъ, для разграниченія земель.

Въ 1872 г. начались столкновенія между эмиромъ и его сыномъ Якубъ-ханомъ; въ это же время Ширъ-Али сталъ косо смотрѣть на англичанъ, забывъ, что Англійа въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ выказала себя относительно его не только дружественной державой, но и въ высшей степени безкорыстной, такъ какъ онъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на горныя племена и потому не можетъ считаться надежнымъ оберегателемъ пограничныхъ британскихъ владѣній. Притомъ, Кабулистанъ, не будучи страной комерческою и будучи лишень безопасныхъ путей сообщенія, не представляетъ для англичанъ выгоднаго рынка для сбыта товаровъ. «Единственная вещь, которой мы могли бы требовать отъ эмира, въ знакъ благодарности за оказанныя ему услуги, говоритъ авторъ,—это та, чтобы онъ не дружилъ съ Россіей и не позволялъ бы ей втягивать себя въ союзъ противъ Англійи. А между тѣмъ, случилось именно наоборотъ; вотъ почему британское правительство считаетъ себя въ правѣ послать экспедиціи въ Кеттахъ и Келатъ, для того, чтобы показать эмиру, что англичане не допустить обманывать себя. Намъ надо непремѣнно взять и сильно укрѣпить Кеттахъ, восклицаетъ авторъ, надо провести хорошую дорогу чрезъ Боланское ущелье, и тогда у насъ будетъ въ рукахъ надежный стратегическій пунктъ, откуда очень удобно двинуться на Кандагаръ и Гератъ. Отъ Кеттаха до Кандагара 150 миль, отъ Кандагара до Кабула 200 миль и отъ Кандагара до Герата 280 миль.

Въ случаѣ надобности, войска могутъ быть быстро доставлены въ любое изъ этихъ мѣстъ. Взятіе Кеттаха вполне законно, такъ какъ по договору съ эмиромъ мы имѣемъ на это нѣкоторое право; чего бы ни стояла экспедиція—она необходима. Овладевъ Кеттахомъ, мы уже не будемъ имѣть у себя въ тылу Сулеймановскій хребетъ и другія горы, представлявшія для насъ всегда опасную преграду. Имѣя въ своихъ рукахъ на одномъ концѣ Афганистана Кеттахъ, а на другомъ—Пешаверь, сохраняя твердую центральную позицію въ Агрѣ и Дели и снабдивъ сильными гарнизонами приморскіе порты въ Калькутѣ и Бомбей, намъ ни почему вторгнуться въ Кабулистанъ, гдѣ съ нашими пушками и ружьями Мартини мы надѣлаемъ страшнаго переполоху во владѣніяхъ непокорнаго эмира».

По словамъ автора, въ Англіи составились два совершенно противоположныхъ воззрѣнія на отношенія мусульманъ къ британскому владычеству. Одни, представляющіе большинство, убѣждены, что религиозный фанатизмъ есть главный корень упорной ненависти магометанъ къ англичанамъ; и потому нѣтъ надежды, чтобы правительство Индіи могло когда нибудь рассчитывать на полное замиреніе края; беспорядки и частныя возстанія едва ли прекратятся тамъ. Сэръ Ричардъ Тэмпль, въ одномъ изъ своихъ докладовъ парламенту о системахъ управленія, вполне подтверждаетъ вышеприведенное мнѣніе; Вамбери и многіе журналы въ Лондонѣ говорятъ то же самое. Но другая партія, и во главѣ ея сэръ Кэмпбл, бывшій губернаторъ—намѣстникъ въ Бенгалѣ, заявляетъ, напротивъ, что одну не слѣдуетъ сомнѣваться въ симпатіяхъ индійскихъ мусульманъ къ Англіи, такъ какъ изъ числа 40.000,000 человекъ этого исповѣданія, 20.000,000 обитаютъ въ восточномъ Бенгалѣ и извѣстны ему, какъ люди въ высшей степени мирные и покорные; 10.000,000 живущіе въ Пенджабѣ, точно также отличаются трудолюбіемъ и мирнымъ настроеніемъ и могутъ считаться самыми вѣрными подданными Англіи. При этомъ сэръ Кэмпбл положительно опровергаетъ распространившійся слухъ, будто турецкій султанъ искони вѣковъ поддерживалъ тайныя сношенія съ индійскими мусульманами, на томъ основаніи, что онъ глава ихъ религіи.

По поводу вопроса о нравственномъ вліяніи британскаго владычества на индійскихъ мусульманъ, въ Англіи образовались также два, совершенно различныхъ взгляда. Одни увѣряютъ, что вся индійская раса, томимая подъ гнетомъ Англіи, слабѣетъ нравственно и физически, постепенно вымираетъ и совершенно безучастно относится ко всѣмъ нововведеніямъ англичанъ, всячески старающихся распространить образованіе въ средѣ этихъ дикихъ племенъ; что вслѣдствіе того никакъ уже нельзя

предположить, чтобы индійцы сочувственно смотрѣли на своихъ завоевателей. Лордъ Нэпиръ, бывшій магдальскій губернаторъ-намѣстникъ, поддерживаетъ убѣжденіе о затаенной ненависти горцевъ къ Англіи. Получивъ приказаніе отъ своего правительства сократить составъ артилеріи въ Индіи, онъ возсталъ противъ такой мѣры, находя ее крайне неблагоприятной, на томъ основаніи, что азіятскимъ народамъ никогда не слѣдуетъ вполне довѣряться: они тихи и послушны только до перваго случая; добро забывается ими очень скоро, оскорбленія же врѣзываются неизгладимо въ ихъ памяти, и они ждутъ только удобнаго времени, чтобы отомстить своимъ врагамъ. Почти силою навязываемая цивилизація служитъ для нихъ только новымъ источникомъ озлобленія; мусульмане вовсе не подготовлены къ ней; складъ ихъ понятій не въ состояніи воспринять западныхъ идей; ихъ трудно заставить отречься отъ обычаевъ и привычекъ, узаконенныхъ и освященныхъ вѣками. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что индійцы смотрятъ на англичанъ, какъ на злѣйшихъ своихъ враговъ, вторгнувшихся непрошенными гостями въ ихъ отечество. Британскому правительству необходимо быть постоянно на сторожѣ, не ослаблять своихъ военныхъ силъ, а напротивъ, увеличивать ихъ вездѣ, на сколько возможно. Такого мнѣніе человѣка, близко знакомаго съ краемъ и съ характеромъ его населенія.

Противоположный взглядъ на положеніе британскаго правительства въ Индіи горячо поддерживается авторомъ предлагаемаго очерка. Соглашаясь съ тѣмъ, что мѣры къ распространенію цивилизаціи въ Пэнджабѣ и въ прилегающихъ къ нему провинціяхъ вводились слишкомъ круто и носѣбно, и что для этого было выбрано неудобное время, онъ настаиваетъ на томъ, что даже злѣйшіе враги Англіи не могутъ обвинить ее въ недостаткѣ заботливости о недавно завоеванномъ краѣ и въ желаніи совершенно задавить національный духъ индійцевъ. «Мы ввели у нихъ систему самоуправленія, пишетъ авторъ, приняли депутатовъ-представителей изъ туземцевъ въ законодательный совѣтъ, начали учреждать школы, поощрять національную прессу, не стѣсняя ее никакими ограниченіями, даровали свободу вѣроисповѣданій, словомъ. мы старались и стараемся проливать свѣтъ просвѣщенія и пробуждать жизнь въ этихъ грубыхъ народахъ. Не наша вина, если цивилизація такъ туго принимается на этой бесплодной почвѣ и если, вмѣсто благодарности, мы вызываемъ въ Индіи одно лишь раздраженіе».

Во всѣхъ распряхъ Индіи армія необходимо должна была играть выдающуюся роль, и потому не безынтересно будетъ прослѣдить существующія въ индійскихъ войскахъ отношенія туземнаго солдата къ

своему непосредственному начальству—офицерамъ. Въ прежнія времена, офицеръ проходилъ всѣ степени повышенія въ одномъ и томъ же полку, отъ кадета до чина полковника; иные изъ нихъ командовали по 10-ти и 15-ти лѣтъ одной и той же ротой; каждый офицеръ зналъ подробно семейную хронику рядовыхъ своей части, и всѣ они глядѣли на него, какъ на своего естественнаго покровителя и защитника. Теперь офицеровъ безпрестанно переводятъ изъ полка въ полкъ; при такой системѣ трудно образовать дружную корпорацію между ними. Денежные расходы, полковая экономія и всѣ вообще вопросы, касающіеся полка, живо интересовали всѣхъ въ полку, начиная отъ младшаго чина до старшаго. А теперь, когда каждый знаетъ, что не сегодня, такъ завтра начальство можетъ раскисировать все общество офицеровъ, послѣдніе устраняютъ себя отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла полка, возлагая всѣ хлопоты на командировъ. Нельзя, впрочемъ, не сознаться, говоритъ авторъ, что существовавшая въ былыя времена связь между нижними чинами и ихъ начальниками нисколько не служила препятствіемъ къ проявившимся, отъ времени до времени, мятежамъ въ туземной арміи; по причину этого надо искать въ введеніи системы централизаціи власти, сильно подорвавшей кредитъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Что же касается успѣшности, съ которой принялись дѣлать преобразованія въ арміи, то несомнѣнно, что солдаты, свыкнувшіеся съ старыми порядками, смотрѣли на нововведенія, какъ на измѣну со стороны офицеровъ и стали поголовно возмущаться.

Точно также неудовлетворительны отношенія гражданскихъ чиновъ къ народу. Въ прежнія времена они часто разъѣзжали по округамъ, знакомились съ нуждами поселянъ, изучали ихъ нравы, обычаи, слѣдили за успѣхами просвѣщенія; теперь же, подавленные канцелярской работой, они очень рѣдко появляются въ деревняхъ, и то не иначе, какъ въ качествѣ строгихъ ревизоровъ или судей—карателей за малѣйшіе беспорядки, вслѣдствіе чего туземцы встрѣчаютъ ихъ весьма непривѣтливо.

Съ магометанами англичанамъ еще легко ладить; бывали даже случаи, хотя и рѣдкіе, дружескихъ отношеній мѣстныхъ жителей къ квартирующимъ въ деревняхъ британскимъ войскамъ; но побѣдить антипатію индусовъ къ бѣлымъ—невозможно. Индѣецъ не только не согласится ѣсть и пить за однимъ столомъ съ англичаниномъ, но если тотъ притронется къ его посудѣ, онъ немедленно разобьетъ ее въдребезги; мало того, если англичанинъ пройдетъ мимо шалаша въ ту

мунуту, когда семья приготовляетъ себѣ обѣдъ, хлѣбъ выбрасывается собакамъ, а варево выливается на землю.

Надо отдать справедливость англійскимъ офицерамъ и солдатамъ, говорить авторъ, что они употребляютъ всѣ усилія для смягченія враждебныхъ чувствъ къ нимъ туземцевъ. Кротостью и лаской они стараются побѣдить эту враждебную антипатію къ бѣлымъ, даже сближаются съ ними. Желательно было бы, чтобы и гражданскія власти измѣнили систему своего обращенія съ туземцами и попытались бы стать въ болѣе правильныя отношенія съ тѣми, чьи интересы они призваны оберегать.

Большое зло составляетъ отсутствіе единодушія между англійскими военными властями въ Пэнджабѣ. Если бы въ пятидесятыхъ годахъ не существовало тѣсной, дружеской связи между ними, то возмущавшіяся племена никогда не были бы покорны и британское правительство не удержалось бы во время страшнаго возстанія въ Индіи въ 1857 г. Тогда всѣ представители Англій дѣйствовали заодно; интригъ не водилось; каждый отдавалъ справедливость заслугамъ товарища, и дѣло подвигалось быстро впередъ. Теперь же въ пэнджабскомъ управленіи замѣтна сильная рознь во всемъ: старыя традиціи исчезли, формалистика заѣла молодыхъ администраторовъ, бюрократизмъ связалъ по рукамъ и по ногамъ всѣхъ энергическихъ дѣятелей. Въ Индіи стали подсмѣиваться надъ идеей управлять патріархально дикими племенами, называя ее анахронизмомъ, и стараются всюду проводить принципъ обще-соціальныхъ реформъ, забывъ, что на Востокѣ почва совсѣмъ другая, чѣмъ въ европейскихъ государствахъ, и что изъ нея нельзя разомъ извлечь то, что и въ Европѣ выросло вѣками.

Успѣхи Россіи въ центральной Азіи сильно тревожатъ, повидимому, автора; онъ говоритъ, что мы водимъ Англію за носъ, и что если англичане не займутъ Кеттаха, Кандагара и Герата, то имъ будетъ плохо. «Планъ генерала Джекоба о занятіи этихъ трехъ пунктовъ, замѣчаетъ онъ, былъ отвергнутъ британскимъ правительствомъ, когда русскіе не достигли еще Хивы; но въ настоящее время главная часть этого государства уже въ ихъ рукахъ; Ферганъ обращенъ въ русскую область,—Ферганъ, откуда Баберь двинулся на покореніе Индіи. Грустное предзнаменованіе!»

Чтобы имѣть подъ ногами болѣе твердую почву въ Пэнджабѣ, пишетъ авторъ, Англій слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на внутреннее управленіе страной, пересмотрѣть гражданскіе законы, благодаря которымъ тяжельныя дѣла въ краѣ умножаются ежегодно въ ужасающихъ размѣрахъ; такъ, напримѣръ, въ 1855 г. ихъ было 60,800, а

въ 1874 г. 230,650. Затѣмъ, необходимо измѣнить уставы о налогахъ, составляющіе одну изъ главныхъ причинъ озлобленія туземцевъ, и наконецъ, издать новыя правила относительно таможенныхъ сборовъ, въ высшей степени обременительныхъ для населенія. Послѣдній, самый важный отдѣлъ, требующій внимательной переработки—это военное управленіе Пѣнджаба. Въ 1861 г., по усмиреніи извѣстнаго возстанія сипаевъ, британское правительство образовало тамъ смѣшанные полки, въ которыхъ преобладалъ англійскій элементъ. Существовавшія въ прежнія времена двѣ отдѣльныя арміи — одна изъ солдатъ и офицеровъ туземцевъ, другая изъ однихъ англичанъ, совершенно раскисированы, и теперь пѣнджабскія войска представляютъ настоящую амальгаму племенъ, что чрезвычайно дурно вліяетъ на духъ арміи вообще. Авторъ совѣтуетъ устроить въ краѣ военныя колоніи, съ тою цѣлью, чтобы онѣ служили постояннымъ резервомъ для пополненія индійскихъ войскъ, и при этомъ настаиваетъ, чтобы система безпрестаннаго перевода офицеровъ изъ одного полка въ другой была совсѣмъ отмѣнена, такъ какъ характеръ восточныхъ народовъ въ особенности требуетъ, чтобы командиры внушали безграничное довѣріе нижнимъ чинамъ, а этого невозможно достигнуть при постоянной перемѣнѣ офицеровъ.

По части образованія въ завоеванномъ краѣ англичане, по мнѣнію автора, не сдѣлали ровно ничего, если не считать учрежденнаго въ Бенгалѣ училища для мальчиковъ. Въ Пѣнджабѣ они провели желѣзныя дороги, построили тамъ мосты, церкви, присутственныя мѣста; но уровень умственнаго развитія туземцевъ стоитъ на той же ступени, на которой стоялъ двадцать восемь лѣтъ назадъ.

Заканчивая свой очеркъ, авторъ сознается, что онъ далъ читателямъ неутѣшительное понятіе о положеніи англичанъ въ Индіи; но къ этому онъ прибавляетъ, что его единственной цѣлью было желаніе раскрыть передъ своими соотечественниками всѣ промахи, сдѣланные ими при завоеваніи Пѣнджаба и указать путь для поправленія испорченнаго.

**